

*Человек «новой породы» в проповедях церковных иерархов
Екатерининского времени*

Еще в начале царствования Екатерина II сформулировала свои представления о том, каким должен быть идеальный подданный: «Каждый гражданин должен быть воспитан в сознании долга своего перед Высшим Существом, перед собой, перед обществом»¹. Будучи прилежной ученицей философов-просветителей, императрица восприняла в числе прочих идею о возможности воспитания человека «новой породы». В отличие от Петра I, подходившего к образованию и воспитанию с утилитарных позиций, как к средству «распределить между сословиями труд создания материального государственного могущества»², она считала необходимым не только обучать подданных различным наукам и ремеслам, но и глубоко влиять на ценностные ориентиры, психологию и нравственные основы личности.

Попытки Екатерины Великой вырастить «новую породу» людей не раз привлекали внимание исследователей, но они обращались в первую очередь к проблеме становления российского образования и просветительским программам императрицы³, которая, как известно, в течение всего своего правления особое внимание уделяла проблемам народного просвещения. При этом исследователи практически не касаются вопроса религиозного воспитания подданных, которому Екатерина II также придавала большое значение. В инструкции Комиссии о церковных имениях она писала: «Святейший Синод сам довольно ведаёт, что познание слова Божия есть первое основание благополучия народного и что из сего источника истекает вся народная добродетель»⁴.

Екатерина осознавала, что для формирования идеального подданного недостаточно просветительских программ и светского образования. Требовалось обращение к традиционным каналам передачи нравоучений и назиданий – церковной проповеди, которая к XVIII в. стала одним из важнейших трансляторов государственной идеологии православным подданным различного социального статуса.

Естественно, основной задачей проповеди оставалась катехизация паствы и постоянные наставления об исполнении общехристианских добродетелей, но в XVIII в. появляется и гражданская функция проповеди – трансляция государственной идеологии и закрепление её в сознании слушателей.

Альянс между проповедником и имперской властью стал складываться уже в самом начале переходного периода⁵. В дальнейшем проповедничество инициировалось, поддерживалось и использовалось верховной властью, которая постоянно нуждалась в просвещенном проповеднике, владеющем глубоким коммуникативным инструментарием и использующим его в интересах власти. В правление Екатерины II к такому типу проповедников принадлежали митрополиты Платон Левшин и Гавриил Петров, епископы Самуил (Миславский) и Феофилакт

(Горский) и др. На их плечи легли труды по передаче не только церковных, но и светских идей в массы православных прихожан различного социального статуса.

Одной из наиболее важных целей гомилетической литературы екатерининского времени стало формирование у православных подданных императрицы не только благочестия («долга перед Высшим Существом»), но и понимания своей социальной ответственности и своего места в сословном государстве.

Для решения этих задач проповедники второй половины XVIII в. искали способы соединить учение Церкви с идеями философов века Просвещения. Церковные риторы включали в тексты проповедей теории естественного права и общественного договора, концепцию «общего блага», настаивали на единстве веры и рационального мышления, Просвещения светского и духовного. Из этого следует, что, по-видимому, до большинства подданных Екатерины (а с развитием приходского проповедничества слушателями и адресатами проповеди становились все слои населения) эти вполне светские идеи доходили в форме традиционного христианского наставления и подтверждались, соответственно, православной аргументацией, опирающейся на Св. Писание и творения отцов церкви.

Широкое обращение к «социально-политической» тематике в проповедях различных авторов можно объяснить тем, что вторая половина XVIII в., и, в частности, эпоха правления Екатерины II была периодом становления представлений о государстве как об автономном институте, который сам по себе является источником легитимности власти, независимо от личности конкретного правителя⁶. Также, в ходе развития естественных наук и философии в XVII–XVIII вв., формировались новые представления о человеке, возможностях его разума в познании и изменении окружающей действительности, о его правах и обязанностях, о его взаимоотношениях с обществом и верховной властью.

Предлагаемые проповедником образцы идеальных государства, монарха и подданного должны были быть одновременно соотнесены и обоснованы исходя из популярных в ту эпоху теорий философов-просветителей и в контексте православного учения, а значит, и снабжены соответствующей аргументацией.

В своих проповедях церковные иерархи разъясняли пастве, что идеальный «член общества» являет собой образец «истинного христианина», обязанности идеального «гражданина»⁷ никогда не входят в противоречие с христианскими догмами, образцовое выполнение общественных обязанностей основывается на благочестивом рвении, а главный долг христианина фактически отождествляется с аккуратным исполнением социальных функций и законов государства.

Вопрос о роли **законов** в жизни отдельного гражданина, общества и государства в целом регулярно поднимался в проповедях того времени в ходе разъяснения сущности и роли государства как защитника благосостояния и безопасности подданных и регулятора жизни общества. (Данная тематика была актуальна для императрицы, которой необходимо было внушить подданным уважение и доверие к её новым законам, а также недавно созданным государственным институтам).

Идея необходимости исполнения подданными законов и подчинения воле верховной власти повсеместно встречается в проповедях. Ярким примером может служить проповедь Феофилакта (Горского) «Слово в день Кавалерского праздника, ордена Святого Благоверного Князя Александра Невского» (1774 г.), где Феофилакт провозглашал: «Сею тяжестию обремененные правители дают значение и подчиненным своим, что и они соотношению имея к благочестивому Правительству, обязаны нести свое иго и подчинение. Несут же бремя свое похвально, когда Государю и отечеству своему служат верно, не предпринимают ничего, что общему благу вредительно <...> в союзе общества находясь, законом Государя, яко верховного по боге Правителя, долженствующие непрекословное оказывать подчинение»⁸. Подобные идеи можно наблюдать и в проповедях Платона (Левшина). В «Слове в неделю Вайи» (1766 г.), разъясняя пастве сущность закона, проповедник говорил: «Под именем закона разумим мы врожденную человеку силу, по которой узнает он, что добро и что худо, что не делать и что делать надобно. <...> по правилам закона точно поступать мы совершенно обязаны»⁹. При этом проповедник не устает и доказывать слушателю связь светского и духовного, утверждая, что, когда закон светский подкреплён законом божьим, а значит, и авторитетом церкви, следование ему является праведным для каждого истинного христианина. В Слове еп. Ростовского и Ярославского Самуила (Миславского) «В торжественный день высочайшего тезоименства ея императорского величества, благочестивой государыни Екатерины Вторья» (1775 г.), проповедник напрямую заявляет, что «общества суть связаны внешними узами гражданских законов. Но сии узы не подкреплённые силою закона Божия, готовы всегда разрушиться корыстию страстей»¹⁰.

Развивая популярные в это время идеи активности в социальной жизни, многие церковные иерархи утверждали, что исполнение гражданских обязанностей и успешное продвижение по карьерной лестнице рассматривалось как один из важных признаков внутреннего благочестия, а успех индивида на службе, по мнению проповедников, был возможен, только если ему были присущи христианские добродетели. Обязанности идеального подданного, главной из которых была служба, были ясно прописаны со времен царствования Петра Великого и приравнивались к служению «общему благу».

Проповедники екатерининского времени, восхваляли личность деятельную, активную, собственными усилиями и умом добивающуюся положения в светском (!) обществе. Особенно часто к этой теме в 1770-х гг. обращается Платон (Левшин), когда он, станов митрополитом Московским, начал проповедовать перед обширной столичной паствой. В "Слове при случае первого вступления в паству Московския епархии..." (1775 г.) проповедник усматривает главный долг истинного христианина в том, чтобы выполнять свои *общественные обязанности*: «...всяк в своем звании, в нем же призван, да пребывает со всяким тщанием и усердием. <...> И есть ли на сем основании все дела наши расположены будут, то увеселим мы очи небеснаго Отца»¹¹.

В более ранней проповеди «В день рождения Его Императорскаго Высочества» (1767 г.) Платон обращается к вопросу о выполнении должностей гражданских в

контексте человеческого мужества. Митрополит утверждает, что «имени мужественного достоин тот, который в делах своей должности не ослабевает. <...> многие тому победить надобно затруднения, много пролить поту. <...> Победить себя против оных чувственных прелестей <...> без отщизнения в непогоды, в ненастье идти в приказ, в полк, в церковь <...> Сии для нежности наших чувств неприятные затруднения благополучно победить есть победа великая»¹².

Развивая похожие идеи о необходимости выполнения различных должностей и поощряя стремление человека к «общему благу» Феофилакт (Горский) в своем «Слове в день Кавалерского праздника...» 1774 г. объяснял, что в зависимости от своего положения человек бывает подвержен «различному игу». При этом примечательно, что все должности (помимо монаршей) в тексте проповеди уравниваются, будучи одинаково ценными для государства, и каждый «отечества член, соединяя свою должность, несет собственное иго. <...> Одним поручается власть управлять подчиненными своими с тем, дабы они как отцы о детях промышляя, довольствовались им всем к житию потребным, а другие возложенное на себя бремя с похвалою несут, когда слушают по всему плотских своих Господей»¹³. Таким образом, в проповеди проводится идея ценности любой работы на благо государства и общества.

Спецификой изложения данных проблем в проповеди является то, что достойная служба, в светском её понимании, напрямую сопряжена с идеалами христианского **благочестия**, которое, что совершенно очевидно, исходя из специфики жанра, предстает у проповедника всеобщим правилом жизни общества. Именно благочестие в устах проповедника обеспечивает исправное функционирование общества и всех его членов, от крестьянина-пахаря до императрицы. По мнению Ю.В. Кагарлицкого, в проповедях Елизаветинского времени "благочестие было моральным идеалом, к которому должна была вести лестница уровней христианской активности"¹⁴. Но в эпоху Екатерины картина меняется, и благочестие становится «идеалом общественной гармонии»¹⁵.

В проповедях Платона (Левшина) благочестие, с одной стороны, является одним из качеств, которыми должен обладать человек эпохи Просвещения, а с другой, в идею благочестия включается в православном контексте и страх Божий, и неподверженность порокам, мешающим достойному выполнению обязанностей, и совесть, без которой, по мнению проповедника, никакая служба в должной мере исполнена быть не может (причем в данном понятии духовная составляющая явно превалирует над светской, и без нее невозможно функционирование общества).

В «Слове о пользе благочестия», 1763 г., проповедник обосновывает общественную выгоду благочестивого поведения. Он разделяет все дела на общенародные, духовные и гражданские и для каждого раздела доказывает необходимость и полезность благочестия. «Общенародныя дела суть следующие: например, землю орать, продать, купить, нанять, работать, помочь, одолжить, и прочия. <...> Но не имеющий в сердце страха Божия человек, оныя дела благополучно и совестно совершать не может. Он будет в орании ленив, или излишно и язычески заботлив, в продаже лукав, в купле не осмотрителен, или безразсудно щедр, в наем

обидлив, в работе нерадив... <...> Духовныя дела суть: учить, проповедовать слово, заблуждающих обращать, немощных подкреплять, утешать унывающих, быть житием примером другим, со страхом и благоговением божественную отправлять, и дело Божие творить не с небрежением. <...> Без благочестия учение будет недействительно, проповедь бесполезна. <...> Дела гражданския суть: судить, защищать неповиннаго, повиннаго осуждать, править другими, <...> стараться о всякаго благополучии. Но не знаю, как может сие, без обиды другаго, исполнить, который имеет душу благочестием и страхом Божиим необузданную»¹⁶.

Важно также отметить, что **понятия идеального «члена общества» и истинного христианина** начинают всё больше сближаться, часто предполагая примерно одинаковый набор качеств: образ гражданина наполняется истинно христианскими ценностями, а благочестивый христианин теперь направляет свои усилия не только на внутреннее совершенствование и борьбу с пороками, но и на достойное и усердное исполнение своих каждодневных служебных обязанностей.

Здесь следует обратить внимание на то, что многие концепции просветителей, особенно немецких, получившие распространение в России, частично воспринятые церковными иерархами, строились в том числе и на переосмыслении протестантской этики, из которой выделялись потребность к труду, поощрение активной социальной жизни, стремление к улучшению своего материального и социального положения. Эти идеи были необходимы государству для стимуляции к исправному исполнению подданными своих должностей и развитию предпринимательства среди населения. Они активно включались в тексты проповедей.

Как пишет В.В. Керов, с проблемой поиска стимулов к лучшему исполнению должностей и предпринимательству среди населения столкнулся еще Петр I. «Последовавшее закрепощение церкви, отмена патриаршества сопровождалось попытками внедрения религиозно-идеологических элементов протестантизма, прежде всего пером и устами Феофана Прокоповича»¹⁷. Но как считает исследователь, официальное православие так и не выработало целостной этической концепции, стимулирующей человека к труду, и вследствие этого Русская православная церковь «не смогла в дальнейшем участвовать в развитии конфессиональной основы модернизирующегося общества»¹⁸. Но, как мы видим из приведенных примеров, данная точка зрения не соответствует действительности. В проповедях различные идеи, подтверждающие как с духовной, так и с мирской точки зрения необходимость и полезность труда и социальной активности, ценности и значения государственной службы получили глубокое развитие. Причем в проповедях происходила сакрализация этих идей, вследствие чего активность в социальной жизни и успешное продвижение по карьерной лестнице рассматривались как признаки внутреннего благочестия, а успех индивида на службе был возможен только, если ему были присущи христианские добродетели.

В Слове митрополита Платона «На день святого Димитрия царевича» (1775 г.) данная тенденция выражена через рассуждения о призвании человека: "Что же есть звание Божие, и каким образом призывает Бог? Когда кто всеми силами и при всяком

случае тщится доказать свое безпристрастие, верность и справедливость, и дарованные от Бога себе таланты прилежанием своим усугубляя употребит их в общую пользу; и когда на такового мужа воззрит законная власть и назначает ему пристойную должность: сие есть звание Божие, сего призывает Бог»¹⁹.

Особое значение в контексте созидания в тексте проповедей образа идеального «гражданина» имеет финальная часть Слова Феофилакта (Горского) «В день Кавалерского праздника, ордена Святого славного Великомученика Победоносца Георгия» (1774 г.), где оратор, подводя итоги, предлагает слушателям представить истинно «добродетельного человека», который оценивается проповедником с двух точек зрения: во-первых, через качество исполнения им своей должности (то есть своей основной обязанности перед обществом, а также способа в этом обществе самореализоваться), и во-вторых, с точки зрения христианских ценностей (такое единение сакрального и светского начала в определении общества, государства или человека, как уже говорилось, встречается в проповедях повсеместно). Автор рисует универсальный образ идеального члена общества, чьи внутренние качества не должны меняться в зависимости от его положения в обществе: «находящийся в обществе или принадлежащий к правительству, <...> он как верный Отечества член, подвизается в должности своей, умножая общественную пользу, отвращая вред: притом как истинный согражданин, защищает невинного, помогает бедному, избавляет страждущего в утеснении»²⁰. Здесь также важно отметить, что проповедник обещает, что подобная благочестивая позиция не останется без **награды**, но, если раньше этой наградой было обещание царствия небесного, то теперь, при слиянии в едином контексте светского и духовного, к нему присоединяется поощрение от правительства: «правительство отличает заслуги его; а протчие сограждане, чувствуя милость благодетеля своего, обязаны к нему благодарностью навек, расположены любовью всегда»²¹.

Таким образом, проведенный анализ проповедей Екатерининского времени показывает, что духовному воспитанию подданных, также как и образованию светскому, отводилась значительная роль в формировании идеального подданного «новой породы». Проповедник екатерининского времени умело сочетал традиционное наставление о христианском благочестии с указаниями на то, что без религиозных добродетелей светский слуга Отечества не станет добросовестно выполнять свои служебные обязанности, легко вступит на путь греха, позволит себе лень, взяточничество, воровство, от которых его удержал бы страх Божий. Таким образом, церковная проповедь оказывалась действенным инструментом в обосновании важной для развивающейся империи идеи о том, что идеальный подданный должен подчиняться законам и воле монарха, ежедневно ревностно исполнять свои служебные обязанности, вне зависимости от чина и должности, так как всякая честная служба важна для благосостояния общества и государства.

При этом, в отличие от светских образовательных программ, в проповедях взгляды философов просветителей были переосмыслены в христианском ключе и воспринимались паствой как привычное христианское наставление, подтвержденное

авторитетной православной аргументацией, а значит, не вызывали сомнений и недоверия у православных подданных.

Примечания

¹ Цит. по: *Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 1999. С. 224.

² *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 // Екатерина II: pro et contra. СПб.: РХГА, 2006. С. 689.

³ *Андреев А.Ю.* Идея университета в проектах образовательных реформ в России 1760–1780-х гг. // «Вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 163–189; *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара: Самарский научный центр РАН, 2011; *Каменский А.Б.* «Под сенью Екатерины...» Вторая половина XVIII века. СПб.: Лениздат, 1992; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001; *Каррер д'Анкос Э.* Екатерина II. Золотой век в истории России. М.: РОССПЭН, 2006; *Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России (1086–1856 гг.) СПб.: Тип. Стасюлевича, 1899; *Мадариага И., де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002; *Марасинова Е.Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.: Наука, 2008.

⁴ *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб.: Летний Сад, Коло, 2001. С. 458.

⁵ Устная церковная проповедь начинает укореняться в великороссийском церковном обиходе после вхождения Малороссии в состав России, когда участились переходы с юго-запада в Московское государство черного и белого духовенства. В Москве вместе с ним появилась и малороссийская проповедь. (Подробнее см.: *Зеньковский С.* Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен: Wilhelm Fink Verlag, 1970; *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996; *Кагарлицкий Ю.В.* Проповедь как источник по истории русской культуры XVIII века. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 2000. С.243–258; *Харламович К.В.* Малороссийское влияние на великороссийскую церковную жизнь. Т. I. Казань: Издание книжного магазина М.А. Голубева, 1914).

⁶ Следует отметить, что если во многих западных странах на протяжении эпохи Просвещения новые представления о государстве (в контексте концепции общественного договора, «общего блага», взаимных прав и обязанностей государства и общества) вытесняют идею о патерналистском и патриархальном характере власти монарха, то в России патернализм сохраняется ещё в течение долгого периода, выражаясь, например, в обращении к правителю «Отец/Мать отечества». (Подробнее см.: *Каменский А.Б.* Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы // *Ab Imperio.* 2006. № 59–99. С. 62; *Каменский А.Б.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М. 1999; *Марасинова Е.Н.* Указ. соч.).

⁷ Мы понимаем сложность использования данного понятия. В данном случае, использование термина «гражданин» не является утверждением наличия в Российской империи данного периода гражданского общества. В проповедях понятие «гражданин» употребляется наравне с «подданным» как синоним индивида, не неся в себе смыслов, которые вкладывали в это слово философы-просветители, а также чтобы акцентировать внимание на наличии не только горизонтальных, но и вертикальных отношений между жителями империи, которые в данном случае называются «согражданами». (Подробнее см., например: *Марасинова Е.Н.* Указ. соч.).

⁸ *Феофилакт (Горский).* Слово в день Кавалерского праздника, ордена Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского. СПб.: при Имп. Моск. Университете, 1774. С. 5.

⁹ *Платон (Левшин)*. Продолжение поучительных слов при высоком дворе ея императорского величества благочестивейшия великой государыни Екатерины Алексеевны... СПб.: при Имп. Моск. Университете, 1766. С. 8.

¹⁰ *Самуил (Миславский)*. Слово в торжественный день высочайшего тезоименства ея императорского величества, благочестивой государыни Екатерины Втория... Подшито к: *Феофилакт (Горский)*. Поучительные Слова при высочайшем дворе Ея императорского величества ... государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийския. СПб.: при Имп. Моск. Университете, 1774. С. 54.

¹¹ *Платон (Левшин)*. Поучительные слова... Т. 1. М.: у содержателя сенатской типографии ф. Гиппиуса. С.11.

¹² *Платон (Левшин)*. Пятое продолжение поучительных слов при высоком дворе ея императорского величества благочестивейшия великой государыни Екатерины Алексеевны... М.: при Имп. Моск. Университете, 1767. С. 14.

¹³ *Феофилакт (Горский)*. Слово в день Кавалерскаго праздника, ордена Святого Благовернаго Великаго Князя Александра Невского. СПб.: при Имп. Моск. Университете, 1774. С. 5.

¹⁴ *Кагарлицкий Ю.В.* Риторические стратегии в рукописной проповеди переходного периода 1700–1775 г. Дисс. канд. филол. наук. М., 1999. С.191.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Платон (Левшин)*. Указ. соч. С. 12–13, 15–17.

¹⁷ *Керов В.В.* Конфессионально-этическая мотивация хозяйствования староверов в XVIII–XIX веках. 2001// Отечественная история. 2001. № 4. С. 18–40.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Платон (Левшин)*. Указ. соч. С. 37–38.

²⁰ *Феофилакт (Горский)*. Слово в день Кавалерскаго праздника, ордена Святого славного Великомученика Победоносца Георгия. СПб.: при Имп. Моск. Университете, 1774. С. 21.

²¹ Там же.